

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
НАШЕЙ РОДИНЫ

Натан Эйдельман



АЛЕКСАНДР
РАДИЩЕВ

Издательство «Малыш» • Москва • 1983



Натан Эйдельман

АЛЕКСАНДР РАДИЩЕВ

*Рассказ о жизни - подвиге
русского революционного
мыслителя*



Художник С. Бордюг

Издательство «Малыш» · Москва · 1983



Александр Николаевич Радищев родился в 1749 году, и каждый, кто ладит с арифметикой, быстро сосчитает, сколько лет прошло с тех пор.

В наше время живут уже пра-пра-пра-правнуки этого человека, а мы его не забываем, да и не забудем.

За что же, за какие славные дела, названы именем Радищева улицы, музеи, библиотеки, школы, пароходы?

Вот об этом и пойдёт рассказ.



МОЖНО ЛИ НЯНЮ ПРОДАТЬ?

Няня Саши Радищева Прасковья Клементьевна ничего так не любила, как пить кофе.

— Как чашек пять выпью,— говорила она,— так и свет вижу, а без того умерла бы в три дня. Спасибо папеньке и маменьке твоим, что дорогого кофию для меня не жалеют. Добрые господа, не то, что Зубовы!

— А чем Зубовы плохи?— спрашивает Саша про соседних помещиков, которых несколько раз видел в коляске и верхом.

— Да всем плохи! Отняли у своих крестьян землю, отняли скотину и заставляют работать всё время только на себя. А чтоб те с голоду не умирали, кормят их на господском дворе один раз в день, наливают щей в корыто—как свиньям. Мне даже сон страшный приснился, будто меня твой батюшка Зубовым продал.

— Как продал?— испуганно спрашивает маленький Саша.— Разве тебя можно продать?

— А как же?— засмеялась няня.— Ещё как можно. Уж не меньше ста рублей за такую мастерицу, как я, можно взять. Вот слушаться меня не станешь, не нужна будет нянька, глядишь, и продадут.

— Никогда не позволю тебя продать, никому не дам!— топает Саша ногой и готов заплакать.

— Добрый ты мальчик,— вздыхает няня.— Бог даст, вырастешь и хозяином будешь добрым.

— Не хочу быть хозяином,— кричит Саша,— не хочу!

— Как же не хочешь, тебе, наверное, тысячи полторы мужиков достанется. Богатство!

Мальчик в слезах убегает к родителям.

Мать говорит отцу:

— У Саши чувствительное сердце.

Отец задумывается:

— Чувствительным жить труднее. Пора Сашу учить уму-разуму, но в деревне что же у нас за учение? Только нянька сказки рассказывает. Слава богу, хоть по-русски читать и писать выучили. Но этого ещё очень мало. Теперь нашему брату помещику без французского языка шагу не сделать. Да где найти француза в наших лесах и степях? Надо Сашу в Москву везти.



БУДЕШЬ ЛИ СЧАСТЛИВЫМ, КОГДА ДРУГИЕ НЕСЧАСТНЫ?

Тогдашняя Москва показалась бы нам сегодня городом маленьким и тихим. Дома не выше двух-трёх этажей, вместо машин — кареты, вместо электрических лампочек — свечи. Немало, правда, старинных дворцов, церквей. И Кремль уже был почти такой, как теперь.

А Саша Радищев решил, что город — огромный, больше и быть не может. Поселился он у дяди, в школу не ходил, к нему учителя сами ходили.

По-французски быстро заговорил, позже по-немецки, по-английски, по-латински, по-итальянски — пять иностранных языков и родной русский! На всех этих языках он много и охотно читал. Любимыми же книгами Саши Радищева были те самые, которые и сегодня все дети читают: арабские сказки «Тысяча и одна ночь»,





«Робинзон Крузо», «Путешествия Гулливера», «Мифы Древней Греции».

Однажды все жители города, и мальчик, конечно, тоже, выпали на улицу, откуда доносилось весёлое пение, крики, выстрелы. Навстречу им двигалось двести колесниц, а в каждую запряжено несколько волов.

На колесницах и возле них прыгали, танцевали, кривлялись тысячи людей в масках, изображая козлов, обезьян, котов, свиней. Кувыркались акробаты, визжали дети, напуганные медведем, а зверь вдруг захохотал и язык показал.

— Маскарад! Маскарад! — кричали кругом.

Но тут появилась раззолоченная карета, в которую было запря-



жено восемь прекрасных лошадей. Все стали кланяться, некоторые на колени упали. В карете сидела императрица Екатерина Вторая. За царской каретой медленно двигался целый поезд других сияющих на солнце карет с пышно разодетыми вельможами. Царица только что вступила на престол и праздновала в Москве свою коронацию.

— Три деревни,— услышал вдруг Саша позади себя.

— Три деревни со всеми домами, полями и крестьянами — вот сколько стоит наряд императрицы.

Саша обернулся. Разговаривали двое хорошо одетых молодых людей.

— Подумаешь, «три деревни»! — вмешался в разговор тре-

тий.— А вот мне рассказывали, что один князь поклялся всегда только в своём доме ночевать. С тех пор, куда ни попадёт, обязательно купит дом, в котором и остановится.

— А прежняя царица,— вспомнил ещё один,— никогда не надевала даже самое своё лучшее платье второй раз. Однажды только покажется в новой одежде — и всё: платье навсегда кладут в сундук.

Дома Саша рассказал дяде о том, что видел и слышал, а потом спросил:

— Наверное, царица дарит ненужные платья тем, у кого их не хватает?

Дядя рассмеялся, а потом сказал:

— Тебе, Саша, не нравится, что целые деревни отданы за кареты и хорошие костюмы, но сам ведь тоже ходишь в хорошей одежде, дорогих башмаках и каждый день сахар кушаешь. А простые крестьяне его никогда не едят! На тебя, брат, тоже мужики работают, папашины крепостные, хотя ты их теперь и не видишь... Ну, подумай-ка сам, если б не деньги, которые родители присылают из деревни на твоё учение, разве мог бы ты прочесть столько дорогих книг да заниматься у таких учителей?

— А Ломоносов! — воскликнул Саша.— Я читал и слышал, что Ломоносов, сын простого рыбака, выучился и сделался великим человеком.

— Ломоносов один,— отвечал дядя,— это случай исключительный. Поэтому ты, Александр, учись, а выучишься и однажды, может быть, сам поедешь в золотой карете и будешь счастлив.

— А разве можно быть счастливым, если вокруг тебя другие несчастны? — спросил Саша.

Он эти слова вычитал в одной книжке, и они ему очень понравились.

Дядя улыбнулся и не ответил ничего.

ПАЖ

Многие самые знатные семьи, графы и князья, мечтали пристроить своих детей в царский дворец, чтобы они прислуживали царице и назывались пажами.

Кому повезёт, кто понравится Екатерине Второй, тому легче

потом стать генералом или министром, получить от царицы в подарок новые деревни с крепостными крестьянами.

Желающих попасть в пажы было множество, но царица потребовала, чтобы прислали мальчиков толковых, образованных. Отобрали около двадцати человек. В их числе оказался Александр Радищев.

Вскоре он переехал в Петербург, где прежде никогда не был. Столица Российской империи показалась новому пажу прекрасной, но всё же он не так был удивлён, как по приезде из деревни в Москву.

Теперь Александр Радищев видел царицу Екатерину почти каждый день. Служба его была довольно скучной: принести в кабинет императрицы книгу, взять от лакея кушанье и вовремя подать его царице, провожать и встречать её.

Однако в Зимнем дворце, где жила царская семья, часто бывали прекрасные концерты, на которых пажам разрешалось присутствовать (хотя в любой миг могли послать с каким-нибудь поручением). В свободное время пажы любили гулять вдоль Невы. Во дворце нашлось немало интересных книжек. Так началась петербургская жизнь юного Радищева.

ДРУЖБА

Александра Радищева поместили в одной комнате с другим пажом, Алексеем Кутузовым. Они очень подружились — вслух читали, ездили в театр, пробовали и сами кое-что сочинять.

Однажды каждый сказал другому: «Сердечный друг, люби меня и будь уверен, что дружба моя к тебе ничем и никем не уменьшится».

Они, конечно, рассказали друг другу все свои тайны — и тогда-то Александр Радищев признался, что у него «чувствительное сердце».

— Для чего мы живём? — спросил он Кутузова. — Неужели только для того, чтобы служить у царицы на побегушках?

— Ещё учиться будем, — ответил более спокойный Алексей, — тогда и узнаем, для чего жить.

— Но как ты сам думаешь, — приставал Радищев, — что полезного мы с тобой можем сделать в жизни?



— Я думаю,— отвечал Кутузов,— что мы станем хорошими, честными людьми, если, конечно, не испортимся!

— Ты всё про нас двоих говоришь,— отмахнулся от шутки Александр.— А я про всех.

— То есть как это про всех?

И тут друг Александр задал другу Алексею тот самый вопрос, на который когда-то не ответил дядя:

— Можно ли быть счастливым, если вокруг тебя несчастные?

Кутузов тоже не мог точно ответить. Счастливым быть очень хотелось. Но если кругом несчастные, а ты один весёлый, сытый, здоровый, одним словом, счастливый—это ведь стыдно!

Надо бы всем несчастным помочь, но как?

— Ладно,— окончил спор Кутузов,— пойдём-ка сейчас в театр, потом вернёмся домой, потом будем ещё учиться, будем думать—и когда-нибудь ответим на твой вопрос.





СТУДЕНТЫ

Однажды Радищев и Кутузов узнали, что они уже не пажи, а студенты. Царица велит им и ещё нескольким молодым людям немедленно отправиться в Германию, в город Лейпциг, который славится своим университетом. Чтобы русские студенты не ленились и прилежно учились, к ним приставили начальника, майора Бокума. Тут началась у Радищева такая жизнь, какой не было ни в деревне, ни в Москве, ни в Петербурге. Дома он и его товарищи были богатыми помещиками, здесь, в Лейпциге, они — бедняки. Майор поселился в удобной, большой квартире, Радищев с Куту-



зовым — в маленькой, сырой, грязной комнате. Друзья спят, накрывшись одеялом, которое от старости вот-вот рассыплется на лоскутки. Другие же и того не имеют: кутаются в шинели. Наступает утро, пора в университет идти, и студенты надевают стоптанную обувь, потёртые кафтаны. На новую одежду майор денег не выдаёт, но старается их положить себе в карман.

Пришли в университет, а заниматься нелегко, мысли не о том: очень уж есть хочется. Майор кормит их тухлым или твёрдым, как подошва, мясом, поджаренным на горьком масле. Попробовали некоторые из русских студентов жаловаться — майор кричал, кое-кого палкою избил да ещё заказал тесную клетку, чтобы с помощью стражников туда запирать провинившихся.

Радищева и Кутузова начальник, правда, бить не посмел: боялся, получит отпор. К тому же они, даже замерзая и голодая, учатся отлично.

— Плохо мы живём,— говорит Радищев другу,— но всё-таки даже здесь едим и одеваемся во много раз лучше, чем наши крестьяне в России. Бокум хоть нас и мучит, но всё-таки не может тебя или меня продать или обменять на охотничьих собак.

Кутузов отвечает, что и немецкие крестьяне живут ненамного лучше русских.

— Так что же нам делать, чтобы другим помочь? — не отстаёт Александр.

— Вернёмся домой, увидим,— успокаивает его Алексей.

А Радищев всё повторяет:

— Нельзя надолго откладывать, надо что-то придумать. Мне кажется, нам с тобою, Алексей, хорошо бы стать писателями. Надо написать книги о том, как сладко живётся одним, потому что они ограбили других. Люди прочли бы наши книги, и тогда всё бы изменилось.

Кутузов смеётся:

— Ты жалеешь крестьян, а они ведь неграмотные и ничего прочесть не сумеют. Прочтут их хозяева да тут же нас и накажут.

— Так что же делать?

— Вернёмся домой, увидим!

ДОМА

Пять долгих лет учились в Лейпциге. Наконец настал час домой возвращаться. Когда уезжали в Германию, было Александру Радищеву семнадцать лет, а теперь уже двадцать два.

Двинулись в путь, скоро и русская граница. Удивились пограничные стражники, увидав, как из кареты выскочили несколько высоченных парней и, будто малые дети, принялись отплясывать с криками: «Россия! Россия! Мы дома!»

Ещё через несколько дней увидели Радищев и Кутузов шпиль Петропавловской крепости, Зимний дворец, Неву. Путешествие окончено, они в столице. И тут Радищев напоминает другу:

— Алексей, ты сказал: «Вернёмся домой, там видно будет». Вот мы и дома — что же тебе видно?

Кутузов отвечает, что надо поступать на службу. Он сам уж записался в полк и скоро уедет воевать с турками. Не желает ли Радищев поехать вместе с ним? Нет, Александр хочет получше узнать жизнь несчастных соотечественников, чтобы в будущем написать про них книгу. Книга, думает недавний студент, привлечёт внимание к обездоленным, и жизнь их улучшится.

Он поступает служить в Сенат, куда стекаются со всей страны жалобы на разные несправедливости.

Обнялись друзья — и расстались. Много лет они были как братья. Теперь когда ещё увидятся?

УЖАСНЫЙ МОЛОТ

«Ужасный молот испустил тупой свой звук, и четверо несчастных узнали свою участь», — так записывает Радищев то, что видит своими глазами. В большом зале служитель должен громко стукнуть молотком в тот миг, когда совершается покупка. Рядом сидят покупатели — богатые помещики. Некоторых Радищев знает в лицо. Чем же торгуют? Живыми людьми!

Отдельно, в сторонке, стоят крестьяне, привезённые на продажу. Старик лет семидесяти пяти своими полуслепыми глазами старается разглядеть сидящих: кто из них сейчас купит его и станет новым господином? Прежний барин, молодой офицер, проигрался в карты — и вот, чтобы добыть денег, продаёт своих крестьян. И сожалеет, что за старика мало дают.

А ведь много лет назад этот старик сопровождал на войну прежнего барина, отца нынешнего. Тогда слуга вынес раненого хозяина с поля боя и тем спас ему жизнь. Благодарный помещик хотел отпустить героя на волю, да всё откладывал — так и не успел написать нужных бумаг.

Рядом со стариком выставлены на продажу его родственники: старуха-жена, дочь, внучка и муж внучки. Похоже, что муж внучки готов ударить ненавистного покупателя и бессердечного продавца. И тогда его ждут тюрьма, кнут, ссылка.

Старуха чем-то напоминает Радищеву няню Прасковью Клементьевну, любительницу кофе, которая всё боялась, что её продадут злому Зубову.





«Ах, если б у меня были деньги,— думает Радищев,— я непременно бы всех этих несчастных сам купил и отпустил на волю». Но денег у Радищева мало, зато они есть у сытого, пьяного барина, очень похожего на Зубова, и тот покупает всех.

«Ужасный молот испустил тупой свой звук...»

Александр Николаевич выходит на улицу, понутив голову. Он так задумался, что чуть не попадает под копыта. Шестёрка лошадей мчит очень важного министра: из окна кареты сквозь занавески глянуло на Радищева усталое, сердитое лицо. Несколько дней назад этот министр получил в подарок от царицы три тысячи мужиков, сто тысяч рублей и большой дом в Петербурге. Отчего же сейчас важный господин не в духе?

Не в духе министр потому, что царица подарила другому своему любимцу графу Завадовскому больше земли, крестьян и денег, чем ему.

Радищев идёт домой. Дома его ждут жена, три сына и дочь. Они его очень любят, и он их тоже.

Отчего же невесел? О чём он пишет в своей комнате всю ночь?

Двести лет назад русский язык отличался от нынешнего. Некоторые слова и фразы Радищева сегодня не просто понять. Но если постараться, то каждый может разобраться. Вот, к примеру, строки, которые записал Александр Николаевич в тот вечер: «Страшись, помещик жестокосердый, на челе каждого из твоих крестьян вижу твоё осуждение». Если не понятно, переведём:

«Страшись, помещик с жестоким сердцем, на лице каждого твоего крестьянина я читаю твой приговор». Здесь Радищев, наверное, вспомнил, как глядел на продавца и покупателя сегодняшней молодой крестьянин, родственник несчастного старика.

Жалко, нет рядом друга Алексея— он живёт далеко, только изредка приходят от него письма, начинающиеся со слов: «Где ты, возлюбленный мой друг? Если ты веришь, что я тебя любил и люблю, то подай мне о себе известие и верь, что письмо твоё будет мне в утешение». Кутузов, конечно, сказал бы: «Уймись, Радищев! Что тревожишься? У тебя в Петербурге красивый дом и сад, у тебя жена, четверо детей, ты честно работаешь и, как умеешь, всё время помогаешь голодным, обиженным. Разве всё это вместе не называется счастьем?»

Но ответ Радищева всё тот же, как и в детстве.

«Да разве может человек быть счастлив, если его окружают несчастные?»

ЧТО ВСТРЕВОЖИЛО ЦАРИЦУ?

Однажды летним днём в кабинет царицы Екатерины Второй вошёл молоденький паж. Много лет назад на его месте служил Радищев.

Паж принес книгу, почтительно положил её на стол и бесшумно удалился. Царица книгу открыла. Имени автора на обложке не было, но этот неизвестный писатель посвятил своё сочинение какому-то «Любезному другу А. М. К.».

Название книги обыкновенное: «Путешествие из Петербурга в Москву». Многие в ту пору старались описать дорогу между двумя главными городами России. Сегодня от Ленинграда до Москвы поезд идёт всего несколько часов. В прежние же времена, до того, как проложили железную дорогу, от Петербурга до Москвы добирались за трое суток. А, если не торопились, то и того дольше. Через каждые двадцать пять-тридцать вёрст станция — так назывался маленький домик, где путешественник мог передохнуть, сменить лошадей.

От Петербурга до Москвы шестьсот пятьдесят вёрст, двадцать пять станций.

В книге, которую открыла царица, было двадцать пять глав: путешественник рассказывал, что он видел, кого встречал на каждой станции.

«Проехала» Екатерина Вторая по книжке несколько станций, то есть прочитала несколько глав, и насторожилась. Затем приказала обязательно узнать: кто эту книгу написал? И продолжала чтение.

«...Время было жаркое. Посмотрел путешественник на часы:





полдень только что миновал. День отдыха, воскресенье, но около дороги пашет крестьянин, хорошо пашет, старается, сразу видно: на себя работает, а не на барина.

— Бог в помощь,— сказал путешественник (то есть сам автор книги).

— Спасибо, барин,— ответил пахарь.

— Разве тебе во всю неделю нет времени работать, что ты и воскресенье не пропускаешь, да ещё в самую жару?

— В неделе-то шесть дней, а мы шесть раз в неделю по приказу барина трудимся на господском поле. Да ещё по вечерам возим из лесу сено на господский двор.

— Велика ли у тебя семья?



— Три сына и три дочери.

— Как же ты их кормишь, если только один день имеешь свободным?

— Не один день — ещё ночь наша. Иначе с голоду умрём.

— Так ли хорошо ты работаешь на господина своего, как на своём поле?

— Нет, барин, грешно бы было так же работать. У него сто рук для одного рта, а у меня две руки — для семи ртов».

И тут царица как раз наткнулась на строчки, которые мы уже знаем.

«Страшись, помещик жестокосердый, на челе каждого из твоих крестьян вижу твоё осуждение».



ЦАРИЦА ЧИТАЕТ ПРО СЕБЯ

Полиция по всему Петербургу ищет, кто посмел написать такую книгу.

Скоро узнали и во дворец донесли: автор — господин Радищев. Екатерина тут же вспомнила старого знакомого, который молодым пажом встречал её и провожал, подавал еду, книгу. А «любезнейший друг А. М. К.», догадалась царица, конечно, другой бывший паж, Алексей Михайлович Кутузов!

Посмотрим, что дальше написал о благородных помещиках господин Радищев...

Двадцать пять глав, двадцать пять историй. В одной — как продавали крестьян и «ужасный молот испускал тупой свой звук». В другой — как барин мужиков кормил, будто свиней, из корыта,



и только один раз в день. В третьей — плачут навзрыд родители, жена, дети крестьянина, отданного в солдаты: служба его в армии продлится двадцать пять лет. Двадцать пять лет им не видаться, а ведь сколько раз за эти годы можно сложить голову на войне! Только один крестьянин радуется, что будет солдатом: барин так над ним издевался, что двадцать пять лет маршировать, ружьё носить — ему куда приятнее!

И вот ещё одна станция, ещё рассказ, может быть, самый страшный. Молодой крестьянин любил девушку, собирался жениться, но перед самой свадьбой сыновья помещика попытались отнять невесту. Парень не стерпел и крепко избил обидчиков. Явился барин, по его приказу начали молодого крестьянина сечь немилосердно — он ни разу не застонал, не вскрикнул. Тогда на его глазах принялись бить старого отца и до невесты добрались. Крестьянин стал вырываться. Тут собралась вся деревня. Мужики просили барина и его сыновей уговорить. В ответ помещик ещё сильнее стал браниться и бил тростью кого попало. Наконец не вытерпели крестьяне: схватили и убили своих мучителей.

Что же дальше?

Как ни просил один добрый, благородный судья оправдать этих мужиков, всё напрасно! И жениха, и невесту, и родню их, и всю почти деревню ожидали страшные пытки и каторга. Ни царица, ни губернатор не пожелали простить их.

«За что этот Радищев так обозлился на помещиков? — задумалась Екатерина Вторая. — Ведь он сам помещик и родители его владеют крепостными крестьянами».

И вот что решила царица и даже написала своей рукой на книге: что Радищев просто хочет прославиться, стать знаменитым писателем!

Она не могла понять, как это человек богатый, образованный, отец четырёх детей вдруг пишет о том, о чём запрещено писать, да ещё называет «жестокосердыми» самых важных людей страны?

«А может быть, Радищев сошёл с ума? Ведь он пишет, что хорошо бы всех крестьян освободить».

«Никто не слушает!» — снова отвечает ему Екатерина.

Она перелистывает ещё несколько страниц и приходит в страшную ярость.

Путешественник спит, и ему снится справедливый царь, который стремится к добру, не даёт в обиду бедняков.

Проснулся автор и смеётся над своим глупым сном. Разве бывал на свете хоть один царь, который бы добровольно уступил

что-нибудь из своей власти, который заступался бы за крестьян перед вельможами и помещиками?

Нет! Царь заодно с ними, а они за него. Но как же быть, как спасти обиженных? Да очень просто — надо им всем восстать, сбросить царя и установить свою власть.

Таких строк царица Екатерина никогда не читала, она даже вообразить не могла, чтобы её подданный осмелился такое написать! Разве только крестьянский вождь Емельян Пугачёв, поднявший восстание семнадцать лет назад, но погибший на плахе. Пугачёв, однако, был мужик, неграмотный, а Радищев — барин, образованный человек. И царица гневно о нём записывает: «Бунтовщик хуже Пугачёва!»

«Сошёл с ума этот Радищев», — опять подумала Екатерина.

И тут ей пришло в голову: может быть, писатель сердится оттого, что прежде, когда был пажом, жил во дворце, а теперь его туда не пускают?

Ничего не понимает царица, и оттого гнев её всё сильнее и сильнее. Она велит Радищева арестовать.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С РАДИЩЕВЫМ ДАЛЬШЕ?

Пришли полицейские, велят Александру Николаевичу идти с ними. Заплакали дети, когда отца повели. Совсем одни остались: мать незадолго перед тем умерла.

Радищева посадили в крепость и вскоре объявили приговор: смертная казнь!

Каждое утро Радищев просыпается, думает, что начался последний день его жизни: вот-вот откроется дверь и прикажут ему идти к виселице или под топор. Однако царица всё же не решилась казнить своего врага. Боялась, что о нём станут тогда ещё больше вспоминать и уж никогда не забудут.

И вот, осенним днём, в цепях, вывели узника из крепости, посадили в тюремную карету и объявили, что его отправляют в Сибирь сроком на десять лет. Ехать же до места ссылки семь тысяч вёрст.

Родной дом и дети — когда ещё он их увидит?



«Путешествие из Петербурга в Москву» Екатерина Вторая приказала отнимать, у кого бы книга ни нашлась, и тут же сжигать.

Зато некоторые люди платили большие деньги, чтобы хоть полистать страшную книгу, которая так разгневала императрицу. Сорок лет спустя великий поэт Пушкин добыл себе экземпляр «Путешествия из Петербурга в Москву» и отдал за книгу много денег. Но это было после.

В СИБИРЬ

Радищева везут в Сибирь. По дороге выехали проститься с ним старенькие родители. Всего же добирался он от Петербурга до места своей ссылки больше года. Вот как далеко загнали Радищева и как трудно было ему ехать из-за болезни и морозов!

В Сибири прожил Александр Николаевич пять лет. Старался не унывать. Много читал, как в детстве. Много ходил по горам и лесам.

Врачей в Сибири почти не было, и местные жители всё время приходили за помощью к Радищеву. Оказалось, что он неплохо в медицине разбирается. А лечил он бесплатно.

Тем временем двое старших его сыновей учатся и мечтают о военной службе. Маленькие же сын и дочь были привезены в Сибирь к отцу, и он сам учил их географии, истории и немецкому языку.

Изредка приходят весточки от лучшего друга Алексея Кутузова, который живёт за границей.

Однажды Радищев узнаёт, что его враг — царица Екатерина Вторая умерла.

ИЗ СИБИРИ

Новый царь Павел Первый разрешил Радищеву вернуться, но не в столицу, а в деревню около Москвы. Хотя известие о царской милости пришло зимой, в самую лютую сибирскую стужу, Радищев не стал дожидаться более мягкой погоды: очень уж не терпелось



вернуться в родные места. И вот он торопится через тайгу, замёрзшие реки, скорее, скорее...

К свободе!

Наконец приехал в подмосковную деревню, и оказалось, что свободы у него совсем мало. Выезжать из деревни нельзя. Писать новые статьи и книги опасно. На службу не примут. Выходит, он ничем больше не может помочь миллионам крепостных? Для чего же тогда жить?

И тут Радищев впервые почувствовал, что устал и не знает, что делать. Даже читать хотелось уже не так сильно, как прежде.

Однажды к нему в дом вошли двое военных. Радищев решил, что это кто-то из охраны, постоянно за ним следящей. Не успел,



однако, разглядеть гостей, как они тихо позвали: «Отец!» Александр Николаевич, оказывается, не узнал старших сыновей. За то время, что они не виделись, мальчики превратились в офицеров.

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

Прошло ещё четыре года, и Радищеву вдруг передали, что он может вернуться в Петербург. На трон вступил новый царь Александр Первый, внук Екатерины Второй.

Царь объявил, что хочет облегчить жизнь всем несчастным, и



поэтому приглашает разных знающих людей, чтобы они давали ему советы.

Радищева тоже попросили вернуться на службу и помочь царю.

Александр Николаевич был уже болен, волосы седые, говорить и писать ему нелегко...

К тому же он скоро узнал, кто будет над ним начальником, кому нужно показывать свои планы, прежде чем они к царю попадут. Это был тот самый граф Завадовский, которому Екатерина подарила однажды больше миллиона рублей.

Разве захочет такой человек освободиться от своих богатств и раздать их крестьянам?

И разве сам Радищев не написал когда-то в своей книге, что ни один царь добровольно не уступит и небольшой части своей власти?

Помнил всё это Радищев, но не смог удержаться, не смог отказать — и начал опять давать советы о том, как улучшить жизнь крестьян, как их освободить, как осчастливить Россию.



— Эх, Александр Николаевич,—сказал ему граф Завадовский,—никак не уймёшься, опять за своё!

Радищев решил, что его снова посадят в тюрьму за смелые слова. Во второй раз идти в ссылку у него уже не было сил.

Если бы рядом был Кутузов, он, может, сумел бы успокоить старого друга, но Алексей далеко, больше им никогда не увидятся.

Дома Радищев спросил своих близких:

— Ну что вы скажете, детушки, если меня опять сошлют в Сибирь?

Потом прибавил:

— Потомство за меня отомстит.

Оставшись один, он принял яду.

Так окончилась жизнь Александра Николаевича Радищева. Врач, который пытался его спасти, печально произнёс: «Видно, что этот человек был очень несчастлив».

А мы скажем иначе: этот человек не мог быть счастливым, если кругом были несчастные.

Вот отчего и двести лет спустя мы помним Радищева. Вот почему люди будут помнить его всегда.







Scan: Ershov V. G., 2007

Для младшего школьного возраста

Натан Яковлевич Эйдельман
АЛЕКСАНДР РАДИЩЕВ

Рассказ

Художник С. Бордюг

ИБ № 1338

Редакторы О. Лебедев, Е. Позина. Художественный редактор О. Ведерников. Технический редактор М. Копылова. Корректор Н. Пьянкова. Сдано в набор 02.12.82. Подписано в печать 20.07.83. 60×90¹/₈. Бум. офс. № 1. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,0. Усл. кр.-отт. 18,0. Уч.-изд. л. 3,76. Тираж 150 000 экз. Изд. № 1485. Заказ № 1973. Цена 50 коп. Издательство «Малыш». 103055, Москва, К-55, Бутырский вал, 68. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Э 4803010102—030 30—83
М102(03)—83

© Издательство «Малыш» 1983